
МОЛОДАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ю. А. Цимбалова¹

Тюменский государственный университет

АРХЕТИП ДОРОГИ В РАССКАЗАХ В. И. БЕЛОВА И Е. Д. АЙПИНА

В статье анализируется функционирование архетипа дороги в рассказах В.И. Белова и Е.Д. Айпина. Данный художественный феномен рассматривается в контексте поэтики онтологической прозы, тесно связанной с традиционной культурой. Анализ текстов русского и хантыйского писателей-онтологов позволил выявить множество смыслов архетипа дороги: пространство, время, место встречи, испытание, возвращение, выбор, перерождение, судьба. Особое значение данного феномена в творчестве В.И. Белова и Е.Д. Айпина обусловлено его сюжетообразующей ролью: движение героев осмысливается в контексте происходящих историко-культурных событий, а выбор того или иного направления проецируется на модель общественного развития.

Ключевые слова: архетип, дорога, рассказ, онтологическая проза, сюжет.

Tsimbalova Yu. A.

Tyumen state university

THE ARCHETYPE OF ROAD IN STORIES OF V. I. BELOV AND YE. D. AIPIN

The article is concerned with the archetype of road in stories of V. I. Belov and Ye. D. Aipin. This artistic phenomenon is considered in the context of ontological prose that is closely connected with traditional culture. The analysis of the stories by Russian and Khanty prose writers has revealed many significations of the archetype of road: place, time, a place of meeting, trial, return, choice, regeneration, fate. This phenomenon has a particular meaning due to its forming role in the plot. The movement of the heroes is comprehended in the context of

---

¹ Юлия Александровна Цимбалова, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Тюменского государственного университета (Тюмень)

---

historical and cultural events, and a choice of a personal way reflects the process of human development.

Key words: archetype, road, story, ontological prose, plot.

Одна из главных задач онтологической прозы – создание «гипотетической модели нравственного переустройства мира» [Белая, 1983, с. 142]. Обосновать истинность данной модели позволяет глубокая связь произведений В.Г. Распутина, В.П. Астафьева, Ф.А. Абрамова и других представителей данного литературного направления с традиционной культурой, в недрах которой закрепились представления о неких нравственных идеалах и нормах поведения, выверенных вековым опытом предков. Одним из способов трансляции и утверждения данных универсальных смыслов, на наш взгляд, можно считать использование писателями-онтологистами «архетипических ориентиров» [Грацианова, 2004, с. 4].

Одним из таких является архетип дороги, который имеет множество интерпретаций, связанных не только с обозначением пространства и траектории физического перемещения, но и духовного движения. В связи с этим встает вопрос о способах художественного выражения данного художественного феномена в рассказах В.И. Белова и Е.Д. Айпина.

Особенности реализации архетипа дороги в произведениях русского и хантыйского прозаика обусловлены, прежде всего, принадлежностью писателей к культурам разных этносов. В хантыйской культуре, отмечает И.М. Куликова, понятия путь и дорога обозначают одно и то же [Куликова, электронный ресурс, http://sociosphera.com/publication/journal_paradigmata_poznani/2016/166/realizaciya_koncepta_putidorogi_v_sovremennoj_etnicheskoj_literature_zapadnoj_sibiri/]. В русской культуре, подчеркивает Е.Н. Руднев, путь представляется в качестве духовной категории, отражающей духовное развитие, уход от греха [Руднев, 2009, с. 177]. Дорога, по словам исследователя, чаще выступает в качестве конкретного воплощения абстрактной траектории пути (физического или духовного) [Руднев, 2009, с. 177]. Доказывает наличие разной коннотаций лексем «путь» и «дорога» в русском языковом сознании

также исследование их исторического пути. О.А. Черепанова указывает, что первое понятие семантически наполнено уже в древнейших текстах, а «дорога» – лишь с XIV-XV вв. Также отличает данные лексемы, по мнению исследователя, связь с религиозной традицией: путь связан с христианским мироощущением, дорога – с языческим [Черепанова, электронный ресурс, <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/213.html>].

В.Н. Евсеев указывает на особый смысл архетипа дороги в творчестве В.И. Белова. По мысли исследователя, физические перемещения героев отражают их «внутренние, нравственно-психологические изменения, душевные состояния» в историческом процессе смены традиционной крестьянской культуры современной индустриализованной [Евсеев, 1989, с. 9]. Исследователь подчеркивает, что направление движения героя (к дому или из дома) определяет вектор общественного развития (дорога к ладу или бездомности) [Евсеев, 1989, с. 7]. Дорога «к своему» мыслится как способ обретения стабильности. Это спасения героя, а вместе с ним – и всего общества от хаоса, что подчеркивает неизменность «своего» в рассказах «За тремя волоками», «Колоколена», «Коч», «На тракте», «Ершов – гармонный мастер», «Бескультурье», «Бобришный угор», «Утром в субботу».

Дорога в текстах Е.Д. Айпина также довольно часто выполняет роль сюжетообразующего элемента. Отличительной чертой пути героев хантыйского прозаика является направление движения не к «своему», а к «чужому». И.М. Куликова отмечает, что в творчестве Е.Д. Айпина траектория пути героев представляет собой круг, акцентирующий идею вечного круговорота, возвращения в исходную позицию. Исследователь указывает, что дорога в романах Е.Д. Айпина сопряжена со страданиями, испытаниями, трудностями, которые можно соотнести с судьбой целого народа [Куликова, электронный ресурс, http://sociosphera.com/publication/journal_paradigmata_poznani/2016/166/realizaciya_koncepta_putidorogi_v_sovremennoj_etnicheskoj_literature_zapadnoj_sibiri/]. И Демьян («Ханты, или Звезда утренней зари»), и Мать Детей («Божья Матерь в кровавых снегах») должны преодолеть «чужое», чтобы вернуться к «своему» и на собственном опыте доказать его ценность.

Путь через «чужое» является способом утверждения «своего» не только в романах хантыйского прозаика, но и в рассказах. «Чужой» мыслится не только территория представителей иной культуры, но и иное национальное самосознание, которое проявляет себя в речи, поведении, отношении ко всему существу. Так, в рассказе «Русский Лекарь» дорога дает возможность найти взаимопонимание представителям двух разных этносов, осознать причины, по которым у русского и хантыйского народов так радикально отличаются представления о мире. Мотив путешествия в «чужое» пространство становится циклообразующим в книге «Река-в-Январе». Путь рассказчика / героя во Францию («Парижанка»), Бразилию («Река-в-Январе»), Канаду («Дона, или Последняя ночь в «Шато Лурье»), Лапландию («Моя княжна»), «Северную страну» («Ночь Маэстро») сопровождается знакомством с иными национальными обычаями и традициями. Однако повествователь подчеркивает не только черты отличия, но и сходства национальных образов мира: схожесть природных и климатических условий, наличие похожих по звучанию и значению слов в языках.

Архетипический смысл дороги в текстах хантыйского прозаика воплощается с помощью художественных приемов, характерных для поэтики фольклора. Так, повторы и параллелизмы, зафиксированные О.К. Лагуновой в рассказе «Где же ты, Осенью» (начальное «И», ключевое слово «Она» в первой части текста, фраза «Как хороша ты, Осень!», конструкция «Осень...меня», построенные по одной модели предложения и особенности абзачного членения) [Лагунова, 2007, с. 163], описывают движение героя вслед за осенью. Доверяясь природе, рассказчик обретает гармонию, стабильность, которой, на первый взгляд, нет конца. Символика семи дней пути Лекаря в тексте «Русский Лекарь», в соответствии с которыми делится рассказ на части, акцентирует «полную гармонию и завершенность», поскольку это число в мифологии ханты, отмечает А.В. Головнев, считается совершенным [Головнев, 1995, с. 541]. В рассказе «Ночь Маэстро» семерка задает жизненный цикл души рассказчика до следующего этапа очищения от «жизненной скверны». Совершая путешествие к Маэстро раз в семь лет, герой заново рождается.

Сюжет путешествия героя В.И. Белова на родину связан с поиском первоначала, ставшего нравственным стержнем героя. Чаще всего в качестве такого духовного истока выступает родина героя («За тремя волоками», «Бобрищный угор», «Колоколена»). В рассказе «Бескультурье» возвращение домой Андрея Николаевича приводит к открытию, что толчком к развитию его музыкального таланта стала народная эстетика. Двойное путешествие рассказчика в тексте «Холмы» (физическое – на деревенское женское кладбище, мысленное – на могилы предков-мужчин, захороненных в местах боевой славы) связывает воедино членов семьи, уравнивает значимость подвигов тружеников тыла и фронта. В произведении «Калорийная булочка» также задан мотив двойного пути: собираясь в поездку к другу детства, герой мысленно возвращается к событиям пятнадцатилетней давности. Его воспоминания подчеркивают, что именно трудности и лишения военных лет сформировали способность быть неприсотливым и ценить условия, в которых он живет.

Для художественного мира Е.Д. Айпина чрезвычайно важна идея связи «всего со всем [Лагунова, 2007, с. 73]. Исторические события, связанные с изменениями в жизни ханты и россиян (Октябрьская революция, Великая Отечественная война, процессы освоения территорий Западной Сибири), осмысляются как факторы нарушения природного и социального равновесия. Сборы героя в дорогу в рассказах хантыйского прозаика мотивированы стремлением восстановить нарушенную гармонию. При этом путь физический (дорога как перемещение в пространстве в настоящем времени) всегда сопряжен с метафизическим смыслом (переоценкой пережитого или размышлениями о будущем). Возможность или невозможность восстановить единство данных векторов движения определяет способность вернуть утерянную гармонию. Так, в рассказе «Медвежье горе» преследование медведя-шагуна, сопряженное с воспоминаниями старого охотника, утверждает единство природы и человека. Данную мысль подчеркивают отмеченные Ефремом сходства моделей отношений животных и людей (подобно человеку, «медведь бывает разный»; звери тоже могут с любовью заботиться о своем потомстве). В тексте «Конец рода Лагермов» мысленное возвращение в прошлое во время погони

за Беспалым мотивирует Маремьяна изменить цель своей дороги. Желание отомстить вытесняется чувством долга: герой осознает важность спасения человеческой жизни, даже если это убийца его сына. В произведении «Божье Послание» воспоминания старика Сопочина помогают восстановить в памяти многолетний процесс преследования Липецкого революционерами и подчеркивают важность его подвигов.

В рассказах «Последний рейс» и «Русский Лекарь» идею связи всего со всем усиливает семантика круга (временного, обозначенного промежутком года в первом произведении; ограниченного землями Сопочина – во втором). В некоторых рассказах данный графический символ проецируется на жизнь человека как на законченный цикл. Использование окружности в текстах Е.Д. Айпина несет множество смыслов: представление о границах «своей» земли, совершенность, бесконечность, гармония. Дорога по кругу, возвращение к истокам пути, связанные с циклическим фольклорным сюжетом, вообще характерны для произведений хантыйского прозаика. Возвращается к стезе охотника Константин («Последний рейс»), спустя полвека оказывается в месте роковых событий Маремьян («Конец рода Лагермов»), уезжает назад в город Марина («Лебединая песня»), Михаил Копылов («Клятвопреступник») неоднократно появляется на могиле своего заклятого врага, рассказчик из текста «Осень в Твоем городе» снова приезжает в Ее город. Иван Андреевич («В полете в бездну») довольно часто обращается к детским воспоминаниям, возвращается к своей боевой подруге фронтовик («В окопах, или Явление Екатерины Великой»), вновь встречает представителя фамилии Кондаков рассказчик («Продавец Кондаков»).

Достаточно часто функционирование архетипа дороги в рассказах хантыйского и русского прозаиков сопряжено с рассуждениями о месте человека в мире и причинах тех или иных событий. Данная связь не случайна, она отсылает к мифопоэтическим и религиозным традициям архаичных культур с их пониманием пути как обозначения «линии нравственного поведения» [Топоров, 1994, т. 1, с. 353]. В рассказах В.И. Белова «Не гарывали», «Под извоз», «На Росстанном холме», «Утром в субботу» мысль о влиянии выбора личного на жизнь целого народа актуализируют

мотивы распутья. Перекресток – чрезвычайно важный культурный символ, отмечает Ю.А. Разинов, поскольку в его образе зафиксированы следы исторической инверсии верховного божества. С одной стороны, поясняет исследователь, распутье в своей идеограмме креста связано с представлением о святости, новой жизни, воскрешении. С другой, его связь с языческой традицией актуализирует значение перекрестка как места обитания «нечистых» сил, позорного распятия [Разинов, электронный ресурс, <https://elibrary.ru/item.asp?id=16753782>]. Проблему выбора между этими двумя путями актуализирует, по словам С.Ю. Неклюдова, один из центральных эпизодов в русских былинах и сказках – герой на распутье (росстани, скрещении дорог) [Неклюдов, электронный ресурс, <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov26.htm>]. В рассказах В.И. Белова дорога также часто является метафорой судьбы, причем выбор личный определяет, куда в итоге будет двигаться общество – к ладу или разладу. Так, в рассказе «Не гарывали» эта взаимосвязь выражена на уровне тождества образов деревни Огнище и костра из детских воспоминаний рассказчика. Не только семантика названия населенного пункта, куда герой попадает совершенно случайно, но и действия ее жителей («истопили») указывают на сходство судеб двух источников тепла. Глагол «перетаптывался» – еще один способ соединить детские воспоминания с реальной жизнью. Ощущение беспомощности, отсутствия представления о дальнейшем пути, которое испытывает, является выражением духовного состояния всего русского народа. «Куда идти?» и «Что делать, если жизнь источника народных традиций и обычаев – деревни – погасла?» – две основных проблемы, обозначенные не только в данном тексте, но и во всем творчестве В.И. Белова. Не случайно именно рассказ «Не гарывали» открывает «Собрание сочинений» [Белов, 1991, т.1] вологодского прозаика.

В рассказе «На Росстанном холме» развилка дорог связана не только с самыми значимыми моментами в жизни героини. Топос росстани акцентирует границу «своего» и «чужого». Нахождение героини в пределах своей деревни подчеркивает ее следование пути верности. В рассказе «Утром в субботу» выбор пути рассказчика-писателя сопряжен с проблемой творческого поиска. Желание куда-нибудь «смотреться» обусловлено стремлением обрести тишину и

спокойствие, необходимые для вдохновения: «Было радостно от того, что я займусь наконец делом. Это будет счастливое утро в субботу» [Белов, 1991, т. 1, с. 542].

Значимость дороги как хронотопа судьбы обуславливают различные способы коммуникации персонажей. Встречи, знакомства, произошедшие в пути, имеют судьбоносное влияние на жизнь героев произведений «Люба-любушка», «За тремя волоками», «Прежние годы», «Гудят провода», «Коч», «На тракте», «Речные излуки». Особый интерес вызывает ситуации, в которых персонажи находят общий язык со случайными попутчиками. Открытие широты простого русского человека происходит в рассказах «Гоголев», «Утром в субботу», «За тремя волоками». В первом случае сводит двух водителей с рассказчиком. Его способность выстроить диалог с Гоголевым и доверительная манера общения персонажей дают понять, что их жизненные позиции во многом совпадают. Невозможность найти повод для разговора с молодым спутником Алексея Ивановича, напротив, подчеркивает отсутствие общих интересов. Внутренний мир Николая раскрывает его поведение: молодой человек демонстративно молчит, выражая тем самым несогласие со старшим коллегой, на лице его постоянная гримаса неудовольствия. Сближает рассказчика и Александра Ивановича не только способность вступить в разговор с незнакомым человеком, отношении к природе, но и поведение в дороге. Немаловажность последнего фактора акцентирует Т.Б. Щепанская, отмечая, что дорога – это особое культурное пространство, где действуют иные правила и законы, нежели в «домашней» этнографии [Щепанская, 2003, с. 9]. Николай не способен так же спокойно, как его опытный напарник, переживать тяготы пути. Подобно ему, герой рассказа «За тремя волоками» по прозвищу «соломенная шляпа» также не умеет бороться с трудностями. В отличие от майора, для которого каждое дорожное препятствие связано с определенными значимыми моментами прошлого, «шляпа» бежит обратно посреди пути. Неумение переносить с достоинством трудности дороги отражает отношение ко всему прочему, в том числе и к культурной памяти. Образы героев, не боящихся дорожных препятствий, таким образом,

---

утверждают мысль о необходимости бороться с факторами, мешающими личностному и народному благополучию.

В текстах Е.Д. Айпина понятия дороги и судьбы также тесно взаимосвязаны. Образ тропы отражает представления об особом порядке мироздания, в котором каждый выполняет свою функцию. Человек в хантыйской модели мира, по мнению А.М. Сагалаева, – лишь часть обширной картины бытия, законами которой объясняется его жизнь вплоть до места жительства [Сагалаев, 1991, с. 23]. Поэтому герои, выстроившие жизненный путь в соответствии с данным свыше предназначением, живут гармоничной жизнью. Так, в рассказе «Старшой» биография Никиты позволяет проследить, что с самого детства ему суждено было стать «машинным человеком» [Айпин, 1995, с. 61]. В рассказе «Во тьме» представлена прямая отсылка к представлениям народной культуры: «Ефрем провожал гостей до причала. Если не сделаешь это, удачу дома увезут. Поэтому обязательно нужно проводить, чтобы удачу вернуть» [Айпин, 1995, с. 68].

Способность героев В.И. Белова вступить в диалог с незнакомцем обусловлена функцией дороги как инварианта дома. В пути люди чувствуют себя в равных условиях, без взаимопомощи и поддержки невозможно его преодолеть. В этом отношении самым показательным является рассказ «В дороге». В произведении ведущую роль играет воссоздание дорожной атмосферы, передача динамики передвижения, на что указывает отсутствие имен и фамилий героев, подробных портретных описаний. Композиционно текст состоит из трех фрагментов в соответствии с местом действия: колхоз «Заря», столовая сельпо, проселочная дорога. Таким образом, в каждой последующей части происходит расширение пространства, оно становится менее замкнутым и конкретным. Уравновесить частное и общее помогает второй фрагмент, соединяющий в себе признаки центра пространства и времени: «Столовая сельпо стоит посреди деревни, а через деревню идет большая дорога» [Белов, 1991, т. 1, с. 438]. Неслучайно в последнем фрагменте отсутствуют какие-либо характеристики дороги, как и итоговая цель безымянных героев-машинистов. Их путь без начала и конца – аллегория вечного движения, развития, духовных исканий русского народа.

Мотив распутья как актуализация нравственного выбора героя также достаточно часто представлена в текстах хантыйского прозаика. Героям цикла «Время дождей» приходится выбирать между двух дорог: жизнь в соответствии с заветами предков или принятие опыта чужой культуры. В рассказе «Время дождей» повествователь называет «невидимой никому тропой» мечту героини стать доктором. В своих рассуждениях Вера приходит к выводу, что жизнь пошла «куда-то вперекос, не туда, куда ей надо было» [Айпин, 1995, с. 79], потому что она отступилась от своего предназначения. В отличие от Веры, Микуль («Волки») верен своему пути и не поддается на соблазнительные уговоры бывшего одноклассника: «Как ни встретит Охотника, все расхваливает свое дерево-буровую, сбивает с таежной тропы. Заманчиво Охотнику, интересно, да знает – без тайги тоскливо станет» [Айпин, 1995, с. 21]. Той же дорогой решается идти Микуль в тексте «Бездомная собака». Ключевыми в рассказе являются образы двух дорог: «Бурный и неумолкающий зимник оживает сразу же вскоре после ледостава и замирает весной перед самым ледоходом. Тихая нартовая колея сторонится зимника, петляет по болотам и озерам, бежит вдоль ключей и ручьев. Но сколько бы они ни разбегались и ни отворачивались друг от друга, все равно пересекаются, все равно встречаются» [Айпин, 1995, с. 101]. Два пути – нартовая дорога и шумный зимник – это два топоса, олицетворяющие разные культуры. Первый символизирует дорогу Микуля, связанную с философией естественного сосуществования с природой, главная цель которой – не навредить окружающему. Путь «чужих» связан с разрушением, которое в итоге обернется против них самих.

В рассказе В.И. Белова «Гоголев» также присутствуют два образа, обозначающие две противоположные жизненные стратегии: «Какая светлая и доступно-величественная была эта река, несмотря на все человеческие старания сгубить ее! (...). Только дорога изредка рычала моторами да высокие холмистые берега хранили следы исчезнувших деревень» [Белов, 1991, т. 1, с. 114]. В «очерках о народной эстетике» можно обнаружить причину противопоставления двух магистральных образов народной поэзии – реки и дороги. Писатель объясняет, что первый путь ассоциируется с вечным,

неподвластным человеку началом, в то время как второй связан с вторжением людей в природу: «А нельзя ли условиться и хотя бы ненадолго представить эмоциональное начало речкой, а рациональное – дорогой? Ведь и впрямь: одна создана самой природой, течет испокон, а другая сотворена людьми для жизни насущной» [Белов, 1982, с. 39].

Заглавие рассказа «Божье Послание» акцентирует мысль о том, насколько важно суметь найти путь, уготованный свыше. Диалоги Липецкого с «красными» подчеркивают, что навязанный революционерами народу путь ведет в тупик. Иную дорогу избирает Леонид. Неслучайно в тексте не названо конкретное божество, которое хранит и направляет Липецкого. Образ Послания символизирует благородство, честь, доблесть, которые никогда не должны покидать человека на жизненном пути. Герой рассказа «Последний рейс» неслучайно размышляет: «Каждому свое: кому лодочка утлая, кому крейсер» [Айпин, 1995, с. 13]. Последний рейс молодого человека сопряжен с пониманием своего предназначения – быть охотником: «И в это утро, на рассвете, когда увидел ондатру в курье, понял, что тайга потянула его обратно на промысел зверей и птиц» [Айпин, 1995, с. 10]. Финал рассказа намечает путь одновременно и для героя, и для всего человечества в целом. Единственный путь, который, по мысли писателя, способен сохранить мир в гармонии и равновесии, – это путь сохранения жизни во всех ее проявлениях: «Мысли его устремились в тайгу, куда еще не добрались пока ни буркины, ни катера и баржи, ни поселки временщиков – лесорубов и нефтяников. Пока все не уничтожили, не загадили, иди, протапывай охотничьи тропы и дороги, распутывай звериные следы, до одурения вдыхай чудный запах свежих снегов и зеленой хвои. Иди, спеши...» [Айпин, 1995, с. 18].

Дорога как территория духовного перерождения и обретения нового опыта представлена и в рассказах В.И. Белова. Герой, отправившийся в путь, никогда не возвращается прежним. Так, рассказ «Иду домой» построен в форме детских воспоминаний рассказчика. Значимость случая, который описывает герой, мотивирована тем, что он стал поворотным в сознании ребенка, моментом его взросления. Герой осмысляет, как ужасно он себя чувствовал, когда заблудился и не мог найти дорогу домой. Отчаяние

и безвыходность подчеркивает отсутствие тропы: «Здесь погибали и взрослые бывалые люди, но я это осознал намного позднее. Тогда же у меня не было даже никаких мыслей, было одно ощущение отчаяния» [Белов, 1991, т. 1, с. 479]. Безлюдной тайге противопоставлена дорога как территория спасения: «Вдруг во мхах обозначилась едва заметная, скорее всего, глухариния тропка, и я так ей обрадовался, что, кажется, закричал и побежал по ней (...). Да, это была дорога, пусть еле живая, но дорога, на ней были даже давнишние следы лошадиных копыт (...). У меня появились какие-то новые силы» [Белов, 1991, т. 1, с. 479]. Обретение дома и безопасности мыслится как единственно возможная стратегия развития не только личности, но и общества. Это подчеркивает употребление рассказчиком местоимения «мы» по отношению ко всему народу.

В рассказе «Вовка-сатюк» повествователь фиксирует: «Вовке было семь лет, и все, что происходило с ним в это лето, навсегда осядет в его безгрешном сердчишке» [Белов, 1991, т. 1, с. 451]. Обстоятельство «навсегда» подчеркивает, что лето, проведенное ребенком в деревне, оказало необратимое влияние на становление личности ребенка. Детское восприятие, считает писатель, отличается той внимательностью, которую утрачивает взрослый человек, поэтому любая мелочь может вызвать как восторг, так и отрицательные эмоции в душе ребенка. Подросток Борька («Под извоз») за время короткой поездки приобретает колоссальный жизненный опыт, борясь с голодом, холодом и страхом: «...он едет на станцию всего второй или третий раз и боится дороги больше, чем бабы (...) Ему одному-то и пропасть можно, а тут голодный и в дорожной котомке только шесть вареных картошин» [Белов, 1991, т. 1, с. 15].

Дорога в рассказах Е.Д. Айпина также понимается в качестве хронотопа духовного перерождения, что обусловлено тесной связью творчества хантыйского прозаика с народной культурой. Бытие в картине мира обских угров, отмечает А.М. Сагалаев, понимается как бесконечная смена состояний [Сагалаев, 1991, с. 99]. В цикле «Время дождей», по мнению О.К. Лагуновой, пролог и эпилог задают движение по кругу, где начальная и конечная точки движения легко

отличимы. Движение от природы, заданное в тексте «Наедине с Осенью», ведет в никуда. Именно поэтому в эпилоге рассказчик приходит к мысли: «Землю можно только полюбить» [Айпин, 1995, с. 172]. Путь, который намечает для себя рассказчик в цикле «Река-в-Январе», – это обретение Ее. Финалы рассказов «Осень в Твоем городе» и «В полете в бездну» подчеркивают, что встреча с героиней кардинально меняет его мироощущение, рождает новые чувства: «Ради этого стоило пройти по этой жизни» [Айпин, 2007, с. 18]; «Что же, видно, судьба. Я ведь давно должен был погибнуть, а все живу. Наверное, для того, чтобы вот с тобой встретиться в последний раз» [Айпин, 2007, с. 70].

Таким образом, можно сделать вывод, что функционирующие в текстах В.И. Белова и Е.Д. Айпина образы, мотивы, ситуации, связанные с дорогой и путем, имеют архетипическую основу. С одной стороны, архетип дороги в рассказах хантыйского и русского прозаика возникает под влиянием дискурса онтологической прозы, направленной на построение модели должного бытия. В этом плане архетип дороги отождествляется с самой жизнью, утверждая идею витальности, торжества бытия над небытием. С другой стороны, способы реализации данного художественного феномена связаны с национальной спецификой творчества русского и хантыйского прозаиков. Прежде всего, это обусловлено разной коннотацией понятий «путь» и «дорога» в языковой картине мира представителей разных этносов. Кроме того, в текстах данных писателей по-разному мотивировано обращение к заявленному архетипу. Так, в рассказах В.И. Белова дорога реализуется в образах, мотивах и сюжетных линиях, акцентирующих единство физических перемещений героев и их нравственных исканий в процессе трансформации традиционной крестьянской культуры в индустриализованную. В текстах Е.Д. Айпина связь дороги с универсальными мифологическими моделями подчеркивает использование художественных приемов, характерных для устного народного творчества. Архетип дороги в рассказах хантыйского писателя отражает идею вечного жизненного круговорота.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айпин, Е. Д. Клятвопреступник / Е. Д. Аипин. – Москва: Наш современник, 1995. – 423 с.

Айпин, Е. Д. Река-в-Январе / Е. Д. Аипин. – Санкт-Петербург: ООО «МИРАЛЛ», 2007. – 208 с.

Белая, Г. А. Художественный мир современной прозы / Г. А. Белая. – Москва: Наука, 1983. – 192 с.

Белов, В. И. Лад: Очерки о народной эстетике / В. И. Белов. – Москва: Молодая гвардия, 1982. – 293 с.

Белов, В. И. Собрание сочинений: в 5 т. / В. И. Белов. – Москва: Современник, 1991. – 608 с.

Головнев, А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А. В. Головнев. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 608 с.

Грацианова, И. С. Концептосфера и архетипическое пространство онтологической прозы): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Грацианова Ирина Сергеевна. – Краснодар, 2004. – 236 с.

Евсеев, В. Н. Творчество Василия Белова как художественная система: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.01.01 / В.Н. Евсеев. – Москва, 1989. – 16 с.

Куликова, И. М. Реализация концепта пути-дороги в современной этнической литературе Западной Сибири / И.М. Куликова // Paradigmata poznání. – №2. – Прага, 2016. – [Электронный ресурс]. – URL: http://sociosphera.com/publication/journal_paradigmata_poznani/2016/166/realizaciya_koncepta_putidorogi_v_sovremennoj_etničeskoj_literature_zapadnoj_sibiri/ (28.07.2017).

Лагунова, О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги) / О.К. Лагунова. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2007. – 260 с.

Неклюдов, С. Ю. Движение и дорога в фольклоре / С. Ю. Неклюдов // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LII, 2. Reiseriten – Reiserouten in der russischen Kultur. München: Verlag Otto Sagner, 2007. – S. 206-222. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov26.htm> (29.07.2017).

Разинов, Ю. А. Символика перекрестка / Ю. А. Разинов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – [Электронный ресурс]. – URL: № 1. – 2010. – С. 123-130. [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16753782> (29.07.2017).

Руднев, Е. Н. Путь и дорога в языковой картине мира А.И. Эртеля (на материале романа «Гарденины») / Е. Н. Руднев // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2009. – №101. – С.176-180.

Сагалаев, А. М. Урало-Алтайская мифология. Символ и архетип / А.М. Сагалаев. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. – 156 с.

Топоров, В. Н. Путь / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. / Гл. ред. С.А.Токарев. – Москва: Советская энциклопедия, 1994. – С. 353.

Черпанова, О. А. Путь и дорога в русской ментальности и древних текстах / О.А. Черпанова // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения-99»). – Петрозаводск, 2000. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/213.html> (25.07.2017).

Щепанская, Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв. / Т. Б. Щепанская. – Москва: «Индрик», 2003. – 528 с.

Юнг, К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов / К. Г. Юнг. – Москва: Порт-Рояль, 1997. – 384 с.

REFERENCES:

Aipin, Ye. D. Klyatvoprestupnik / Ye. D. Aipin. – Moscow: Nash sovremennik, 1995. – 423 s.

Aipin, Ye. D. Reka-v-Janvare / Ye. D. Aipin. – Sant-Petersburg: ООО «MIRRAL», 2007. – 208 s.

Belaya, G. A. Khudozestvennyi mir sovremenoi prozi / G.A. Belaya. – Moscow: Nauka, 1982. – 192 s.

Belov, V. I. Lad: ocherki o narodnoyestetike / V.I. Belov. – Moscow: Molodaya gvardiya, 1982. – 293 s.

Belov, V. I. Sobraniye sochineniy v 5 t. Vol.1 / V.I. Belov. – Moscow: Sovremennik, 1991. – 608 s.

Golovnev, A. V. Govoryashiye kultury: tradiciyi samodiycey I ugrov / A.V. Golovnev. – Ekaterinburg: UrORAN, 1995. – 608 s.

Gracianova, I. S. Conceptosfera i archetiptcheskoye prostranstvo ontologicheskoy prozi. PhD. Sci. (Philol.) Thesis / I. S. Gracianova. – Saransk, 2004. – 236 s.

Kulikova, I. M. Realizaciya koncepta puti-dorogi v sovremennoy etnicheskoy literature Zapadnoy Sibiri / I. M. Kulikova // Paradigmata poznání. – №2. – Praga, 2016. [Elektronnyi resurs]. – URL: http://sociosfera.com/publication/journal_paradigmata_poznani/2016/166/realizaciya_koncepta_putidorogi_v_sovremennoj_etnicheskoy_literature_zapadnoj_sibiri/ (28.07.2017).

Lagunova, O. K. Fenomen tvorchestva russkoyazichnih pisateley nencev I hantov posledney treti XX veka (Ye Aipin, Yu. Vella, A. Nerkagi) / O.K. Lagunova. – Tyumen: Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. – 260 s.

Necludov, S. Yu. Dvizeniye I doroga v folklore / S. Yu. Necludov // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LII, 2. Reiseriten – Reiserouten in der russischen Kultur. München: Verlag Otto Sagner, 2007. – S. 206-222. [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov26.htm> (29.07.2017).

Razinov, Yu. A. Simvolika perekrestka / Yu. A. Razinov // Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya. – №1. – 2010. – S. 123-130.

Rudnev, E. V. Put' i doroga v yazikovoy kartine mira A. I. Ertel'ya (na material romana «Gardenini») / E.V. Rudnev // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena. – 2009. – №101. – S.176-180.

Sagalaev, A. M. Uralo-Altayskaya mifologiya. Simvol I archetip / A. M. Sagalaev. – Novosibirsk: Nauka. Sibirskoye otdeleniye, 1991. – 156 s.

Toporov, V. N. Put' / V. N. Toporov // Mifi narodov mira: Enciklopediya: V 2 T. / Gl. red. S. A. Tokarev. – Moskva: Sovetskaya enciklopediya, 1994. – T.2. – S. 353.

Cherepanova, O. A. Put' I doroga v russkoy mental'nosti I drevnih tekstah / O.A. Cherepanova // Master I narodnaya hudozestvennaya tradicia Russkogo Severa (dokladi III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii «Ryabininskiye chteniya-99»). – Petrozavodsk, 2000. [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/213.html> (25.07.2017).

Shepanskaya, T. B. Kultura dorogi v russkoy miforitual'noy tradicii XIX-XX vv. / T.B. Shepanskaya. – Moskva: Indrik, 2003. – 528 s.

Yevseev, V. N. Tvorchestvo Vasiliya Belova kak khudozestvennaya sistema: Extended Abstract PhD. Sci. (Philol.) Thesis / V. N. Yevseev. – Moscow, 1989. – 16 s.

Yung, K. G. Dusha I mif. Shest' arhetipov / K. G. Yung. – Moskva: Port-Royal', 1997. – 384 s.